

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (42)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 3 (42)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ
И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР:
СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ**

Материалы Всероссийской научной
конференции с международным участием
г. Тамбов

9 октября 2020 года

Москва – Тамбов
2020

УДК 40
ББК 80
К57 Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций. Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г. Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2020 год.

Редакционный совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 – . ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 3 (42): Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. г. Тамбов. 9 октября 2020 года / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. – 744 с.

ISBN 978-5-00078-361-0

В настоящем издании отражены основные направления современной отечественной когнитивной лингвистики. В сборнике обсуждаются теоретико-методологические аспекты когнитивного подхода к изучению языка, возможности разработки проблем концептуализации и категоризации мира в языке и применения новых технологий в процессах когнитивного моделирования. Демонстрируются связи когнитивной лингвистики с другими науками и направления исследований в парадигме когнитивной социолингвистики. Значительное внимание уделено актуальным темам когнитивных исследований текста и разных типов дискурса, а также когнитивному подходу к изучению лексики и грамматики. Книга адресована широкому кругу специалистов в области когнитивной лингвистики и гуманитарного знания в целом.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-361-0 (Вып. № 3 (42)) © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2020
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2020

В.З. Демьянков (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН

О КОГНИТИВНОЙ МАСКЕ КАК ГИГИЕНИЧЕСКОМ СРЕДСТВЕ ПРИ МАНИПУЛЯЦИИ¹

*Николаю Николаевичу Болдыреву –
без масок, с искренними симпатией и уважением*

В речи «загородочные» элементы типа *возможно, вероятно, вряд ли* и т.п. очень напоминают гигиенические маски во время пандемии, защищая коммуникантов от «заражения» чужим мнением. Кроме «заражения» недостоверной информацией, в современных СМИ эти средства используются еще и для маскировки намерений манипуляторов. Дискредитация затрагивает не только «тело» сообщения, но и цели передачи фейковых (в случае лжи) или правдивых (в случае шантажа) новостей. Рассматриваются различные приемы когнитивной маскировки, занимающие промежуточное положение между эксплицитными и имплицитными загородками.

Ключевые слова: употребление языка, эксплицитная vs. имплицитная загородка, вербальная манипуляция в СМИ.

В художественной и в деловой литературе выражения типа *возможно, вероятно, вряд ли, кажется*, известные как «загородки» (hedges), размывают и снижают категоричность утверждений, перенося их в плоскость «нечетких рассуждений»; о такой “fuzziness” см. [Lakoff 1972: 195]. Истинность сообщений выносится тогда за скобки.

Эти и подобные загородки, подобно гигиеническим маскам, в нашей жизни особенно актуальным в последнее время, обладают двунаправленностью: они защищают репутацию и тех, кто не ручается на 100% за свои сообщения, и тех, на кого речевое воздействие нацелено.

Когнитивная манипуляция в таких масках, расшатывающая устоявшиеся «совместные знания», не всегда злонамеренна: честолюбивые и/или легкомысленные персоны наперебой заывают нас поверить «на слово», даже не задумываясь о последствиях для адресатов. Впоследствии забудется, кто от кого «подцепил» свою «достоверную инфор-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

мацию»: «коронамнение» подхватывают друзья и знакомые «первоносителя», см. [Демьянков 2017], а в чужом исполнении – как и при реинфекции – эта благоприобретенная информация нет-нет, да и предстанет забытой истиной, когда восклицают: *Так и думал!* И даже: *Так и знал!*

Подобно упаковке опасных предметов, загородочные предисловия – призыв быть снисходительным к недоинформированию; сообщение укутывается так, чтобы не пострадал пробегающий мимо ни о чем не догадывающийся дилетант. Иначе говоря, загородка не только не подпустит злых гостей к репутационной теплице с любимыми мнениями, но и не даст не по-когнитивному злой критике покусать инакомыслящих прохожих.

Есть два типа «загородок»: эксплицитные и имплицитные.

К **эксплицитным загородкам**, кроме модальных слов (глаголов, наречий, частиц и т.п.), относится выбор лица, от имени которого высказываются суждения, что позволяет мимолетное увлечение легкостью мысли подать как общепринятую фундаментальную истину, ср. «коллективно-солидное» *мы*, которому поверить проще, чем мудрецу-одиночке, «нескромно» называющему себя *я*. Залог глагола также может маскировать это лицо, как в классической пассивной конструкции (когда обходят молчанием логический субъект), так и при употреблении «второго пассива», напр.: *He is believed to be happy* «Он считается счастливым» [Lysvåg 1975: 140].

Доверие к анонимному авторитету все-таки больше, чем даже к слишком хорошо известному коллективу правдолюбцев, называющих себя «мы». Обычный читатель привык к тому, что если сообщается о действиях некоторого представительного органа государственной власти, то дело уже почти в шляпе. На этом ожидании построен следующий прием приведения аудитории в состояние полшока. На видном месте дается объявление типа: «В Госдуме оценили идею вернуть продуктовые карточки». Ага, – горюет читатель, судьбою битый, – побегу-ка я за спичками и макаронами. Однако, перейдя по ссылке дальше, он застывает на пороге: «Возвращать советскую практику продуктовых карточек в России сейчас нет смысла, как нет и предпосылок для этого, заявил глава комитета Государственной Думы по труду и социальной политике Ярослав Нилов в беседе с РИА Новости» ([https://news.rambler.ru/politics/44018191-v-gosdume-otsenili-ideyu-vernut-produktovye-kartochki/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&updated=14 апреля 2020](https://news.rambler.ru/politics/44018191-v-gosdume-otsenili-ideyu-vernut-produktovye-kartochki/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&updated=14%20апреля%202020)). Скоропостижная радость и облегченный вздох.

Сюда же относится и подъем отрицания при псевдоперформативных глаголах [Prince 1976: 404], ср.: *Не думаю, что Земля круглая и вертится* (отказаться от своих слов при таком высказывании всегда можно) с гораздо более категоричной версией без подъема отрицания *Думаю, что Земля не круглая и не вертится* (раз «подумаю», уже не отвертись). А также условное и сослагательное наклонения, напр., в итальянском *Vorrei restare a casa* «Я хотел бы остаться дома», создающие впечатление, что говорящий не очень-то и хочет побыть дома. Такой ненавязчиво-дежурной учтивости итальянские дети обучаются к пяти-шести годам [Bates 1974: 29]; думаю, в других частях света примерно к тому же возрасту. Изъявительное наклонение делает утверждение более уязвимым, даже непоправимым, в отличие от условного и сослагательного, заранее допускающих отказ от своих слов. В немецком речевом этикете прибегают к аналогичной форме, напр., *Ich hätte gerne...* (буквально «я бы имел...») в тех ситуациях, в которых по-русски скорее скажут *Дайте, пожалуйста...* или *А не дали бы вы...* О других синтаксических средствах подачи неязыковых знаний и мнений см. [Болдырев, Фурс 2004].

В японском общении частицы типа *chotto* «чутьочку» делают просьбу более вежливой и/или смягчают неприятное сообщение о невозможности ее выполнить [Aoki, Okamoto 1988: 76] или совершить иной морально-травматичный и/или некомфортный речевой акт. *Я вас немного толкнул* тогда бывает разведывательной японской прелюдией к извинению: *Кажется, я вас толкнул, простите меня, дурака старого*. Ср.: *Извините, я на вас наплевал* (в одной из миниатюр А. Райкина звучит издевательски) при странном на российской почве: *Я на вас немного *наплевал / **поплевал / ***плюнул*. Если же ваш визави ущерб якобы не заметил и ухом не повел (мир все-таки не без добрых людей, не склонных ушам водить по всяким пустякам), то можно и не извиняться вовсе: по-японски прощения просят значительно реже, чем в Европе. В этом сходство с мягкой корректировкой по-русски: *Но позволите заметить: я в некотором роде... я замужем* (Н.В. Гоголь, Ревизор). Героиня не режет правду-матку в глаза, что ей замуж за заблуждающегося собеседника неохота, некогда и никак нельзя: «неудобно» быть простой, как правда, да и кому нравится быть уличенным в ошибке, пусть даже и из-за ненаблюдательности. Не всякий просит обмануть его, поскольку, дескать, «обманываться рад». Вот здесь-то и выручает намек на «как бы» непринципиально-суровые реалии.

Поэтому член предложения, зависящий от смягчающего элемента, называют не только «огороженным» (*hedged*), но и «ослабленным»

(*pull punched* [Ross 1975: 236]), подобно «ласковому боксерскому удару» или пухлому антителу, нокаутирующему изголодавшийся вирус.

Особый интерес для исследователей последние 40 лет представляли перформативы в маске, типа *Я должен попросить вас закрыть окно* [House, Kasper 1981: 155]. Эти «конвенционализированные не прямые речевые акты» [Burkhardt 1986: 395] все равно опознаются как перформативы, но они сглаживают назойливую прямолинейность самых нескромных жалоб и предложений. Маска же нередко семантически согласуется с перформативом. Так, допустимо: *I am glad to congratulate (you) on winning the raspberry flavoured douche* «Рад поздравить тебя с выигрышем лосьона с малиновым запахом», но странно то же с предикатом типа *сожалеть*: *I am *sorry to congratulate (you) on winning the raspberry flavoured douche* [Thompson, Wright 1975: 439]. Впрочем, можно, и даже полезно, погоревать из солидарности, если у адресата глаза на нужном и достаточно мокром месте: *С сожалением поздравляю тебя со 150-летним юбилеем*, – такое креативное поздравление можно вручить имениннику, театрально на кушетке рыдающему от грузно навалившегося счастья. В этой иллюкутивной складчине поздравление от гостя, а сожаление – от виновника торжества. Правила хорошего вкуса требуют, чтобы к строгому бриллиантовому колье и защитная маска была под стать, а не из драных бывших колготок и не с узором в ромашки-лютики.

И наоборот, допускается: *Your Honor, I am sorry that I must object to your proposal* «Ваша Честь, сожалею, что должен возражать против Вашего предложения», но значительно менее рутинно: *Your Honor, I am *glad that I must object to your proposal*, с предикатом класса *рад* [Thompson, Wright 1975: 439].

Бывает, что с модального глагола при перформативе статус маски с треском слетает, подобно фиговому листу в осенней Африке, напр.: *I must request that you leave immediately ... but I'll be damned if I'm going to make such a request* «Я **должен** потребовать, чтобы ты немедленно ушел... Но черт меня побери (вот это – треск!), если я от тебя этого требую» [Fraser 1975: 195]. Своеобразный «каминг-аут», саморазоблачение, «остранение», публичное самосожжение перформатива. Наконец, ленинское срывание всех и всяческих масок. Если вам муторно носить маску и мыть руки, на улицу лучше не ходите, самоизолируйтесь и смотрите жизнь через телевизор или через интернет. Или же патетически срывайте с себя маску, вдыхайте вирусом пропитанный воздух свободы – и замертво падайте в героических судорогах.

Еще более изощренный метод – когда маску не сразу и разглядишь, настолько она похожа на настоящее лицо. Так, фигуры речи

и фигуры мысли (в частности, метафоры) тоже исподволь передают требуемые установки, а потому могут быть **имплицитными загородками** [Markkanen, Schröder 1992: 122]: антитело содержится внутри полнозначного элемента пропозиции, который в целях гигиены осмысливается в троповом ключе.

Так, неплохо вызывает сенсацию надзаголовков, который содержит предикат, имплицитно предвещающий негатив, которого в самом сообщении нет. Скажем, в анонсе читаем: «Всплыла правда о состоянии здоровья Путина» (https://news.2xclick.ru/t/19821/905192/?token=19446941168845911048236171145&tag_id=85&fc=PfNybAQAU2NiaHYgYWVtYXNrYwJlX3BvczMb&uid=JeRYPFp_4CB84yB5gOvRAg==&m=84093&vp=194 15 апреля 2020). Имплицитная «оградка» *правда всплывает* не только в электронных СМИ сулит плохую весть. Но в нашем случае собственно авторский заголовок уже не содержит заманивающего подвоха: «Песков вновь рассказал о здоровье Путина», а потом идет сообщение: «Представитель Кремля Дмитрий Песков вновь рассказал о состоянии здоровья президента РФ Владимира Путина. По его словам, с ним все нормально» (<https://i24-7-news.com/politics/peskov-vnov-rasskazal-o-zdorove-putina/full/> 15 апреля 2020). Слава Богу! Но осадок-таки остался.

К имплицитным загородкам относятся и языковые средства «отчуждения» автора от подозрительных и/или «неуместных» сведений, то есть, знаний, которыми человек с данными социальными параметрами должен или не должен обладать. Скажем, журналист, «нечаянно» выдающий государственные тайны, и ребенок, роняющий фразы, свойственные взрослому человеку с вредными привычками, уже подозрительны из-за избыточной информированности: «А тот ли он или она, за кого себя выдает? Неужели малютка – переодетый рецидивист?». При эксплицитной загородке подозрения в неадекватности личного опыта говорящего отпадают сразу, ср.: ***Мне дядя Вася рассказывал, что у нас в тюрьме на ужин едят макароны.*** С имплицитной загородкой примерно то же можно преподнести как цитату из киноклассики: *А в тюрьме сейчас ужин! Макароны!* Студент, не твердо знающий, на каком факультете учится, кокетливо изображает информационную неполноценность или действительно страдает амнезией; ср. брошенное всерьез: ***Мне кажется, что я учусь на филологическом факультете.*** Версия же *Я учусь на филологическом факультете каждый раз, когда прихожу к вам в гости* прозвучит не только как комплимент эрудированным хозяевам.

Некоторым манипулятивным жанрам – гаданию и астрологическому прогнозу – эксплицитные загородки вообще противопоказаны: гадатель по-спартански незатейливо, без детализированной скромности подает себя во всей экспертной красе. Например, под заголовком «Что говорит о мужчине его тыл» некая Екатерина Ёлкина, непонятно каким своим боком относясь к тылу чужого гендера, проникновенно свидетельствует: «Левая ягодца говорит о прошлом мужчины, а правая – показывает его будущее. Если левая часть выглядит более увесистой, значит все проблемы и трудности у человека позади, а если правая, то наоборот – впереди. [...] Квадратная форма говорит о твердости и решительности. Перед вами человек, который точно знает, чего хочет, и обязательно этого добьется. [...] Треугольник, обращенный вершиной вниз, выдает готовность к любым трудностям и переменам. Этот человек легко адаптируется к любой непонятной ситуации и находит выход» (см. https://woman.rambler.ru/psychology/39874630-cto-govorit-o-muzhchine-ego-tyl/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&h_sp=1). Очеловеченная часть тела обретает дар речи (говорит о прошлом, о твердости и упертости своего владельца) и глаза (не вслепую же она «показывает будущее?»). Но ни разу она не шепнет *возможно, как правило, вероятно...*, что выдает в ней недочеловека. Ибо ошибаться может каждый, а человеку свойственно сомневаться.

Ощупав себя, квадратнотыльный поклонник К. Поппера (с его принципом опровержимости, по которому “the criterion of the scientific status of a theory is its falsifiability, or refutability, or testability” [Popper 1962: 36]) воскликнет: «Какая непроверяемая самоуверенность!» У изрекающего подобные истины нет даже за пазухой процедуры, способной хоть как-то опровергнуть высказывание о соотношении части с деловыми и личными качествами целого (pars pro toto в неожиданно деликатном месте). Такой наркоз без маски – оружие «массового потрясения» – уничтожит живую силу любой армии, до зубов вооруженной, но по-детски доверчивой. А была бы где-нибудь сбоку калиточка с надписью «Возможно», интерпретатор, с улыбкой юного, но мудрого барабанщика оценил бы вероятность навязываемых суждений и адекватность серьезного к ним отношения. Предупрежден – значит, вооружен!

Итак, с эксплицитными загородками – туман, а без них – безапелляционный мрак.

Но несомненный свет – с Российской ассоциацией лингвистов-когнитивистов, юбилей которой мы в этом году отмечаем.

Литература

Болдырев Н.Н., Фурс Л.А. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами // Филологические науки. 2004. № 3. С. 67-74.

Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (053). С. 5-13.

Aoki H., Okamoto Sh. Rules for conversational rituals in Japanese. Tokyo: Taishukan, 1988.

Bates E. The acquisition of conditionals by Italian children // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1974. Vol. 10. P. 27-36.

Burkhardt A. Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen: A. Reinachs Rechtsphilosophie und die moderne Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1986.

Fraser B. Hedged performatives // Speech acts. New York etc.: Academic Press, 1975. P. 187-210.

House J., Kasper G. Politeness markers in English and German // Actes du 5e Congrès de / Proceedings of the 5th Congress of L'Association Internationale de Linguistique Appliquée. Montréal, août / August 1978. Québec: Université Laval, 1981. P. 150-178.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183-228.

Lysvåg P. Verbs of hedging // Syntax and semantics. New York; London: Academic Press, 1975. Vol. 4. P. 125-154.

Markkanen R., Schröder H. Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: A case study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén. Frankfurt am Main etc.: Lang, 1992. P. 121-130.

Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. New York; London: Basic books, 1962.

Prince E.F. The syntax and semantics of neg-raising, with evidence from French // Language. 1976. Vol. 52. № 2. P. 404-426.

Ross J.R. Where to do things with words // Speech acts. New York etc.: Academic Press, 1975. P. 233-256.

Thompson H.S., Wright J. Speaker alignment and embedded performatives // Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California), 1975. Vol. 1. P. 438-444.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

ON COGNITIVE MASK AS A HYGIENIC MEANS IN MANIPULATION

Hedged utterances, e.g. 'possibly', 'probably', 'likely', like hygienic masks during pandemics, have a double function in transmitting and manipulating common opinions. Firstly, corrected or even revoked assertions accompanied by hedges do not endanger speakers' reliability reputation. Secondly, as a politeness means, they preserve the audience's status, making manipulation less obtrusive and less perceptible, openly admitting the right of the audience to doubt or even to wholly ignore the information conveyed. In modern mass-media, these functions are used both for concealing and for reinforcing manipulators' intentions, thus giving the impression that the addressee comes to preprogrammed conclusions without outsiders' influence. This is why, in modern news, people suspect alien hostile influence, and the idea of 'fake news' is so popular. There are two classes of such masks: explicit and implicit hedges which may be subconsciously used for solving different communicative tasks.

Key words: language use, explicit vs. implicit hedge, verbal manipulation in mass-media.